

текстуальной организации. Отдельно акцентировано обращение братьев Тур к фельетонной форме кинокритики.

Ключевые слова: фельетон, сатира, юмор, ирония, структура, кинокритика.

SUMMARY

Komarov S. A. Peculiarities of Poetics of Feuilletons by A. Zorich and Brothers Tur

The article is dedicated to the investigation of the features of A. Zorich and Brothers Tur's feuilleton method. Inclination to plotting, inclusion of dialogues into text, attention to daily particularities, humorous details, using of compound syntactic constructions are named among A. Zorich's feuilletonistic peculiarities. The author examines the following elements of Brothers Tur's feuilleton poetics: undisguised manifestation of the social-political position, wide range of comical means (humour, irony, grotesque, parody), variety of the genre forms and structural models of textual organization. Brothers Tur's using of a film review as a feuilleton form is separately accentuated.

Key words: feuilleton, satire, humour, irony, structure, film review.

Г. М. Марченко

(Артемовск)

УДК 821.161.1

УКРАИНСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС В РУССКОМ ЭСТЕТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ РОМАНТИЗМА: К ВОПРОСУ ОБ ОНТОЛОГИЧЕСКОМ СТАТУСЕ

Как известно, центральным постулатом эстетической теории романтизма стала мысль о том, что искусство развивается всегда в национальной форме, имеет национальную определенность. Эта идея позволила русским романтикам, особенно радикальным в её трактовке, значительно обогатить своё творчество тематически, включить в круг художественных поисков широкий исторический материал, в том числе и «инонациональный», экзотический по отношению к

канонической русской истории. Как справедливо отметил Ю. В. Манн, «украинский» материал, подобно «черкесскому», или «ливонскому», фигурировал тогда ещё на правах общероссийского, был «свой» и, одновременно, «не свой» [11, с. 12]. Его восприятие в русской романтической картине мира наглядно иллюстрирует метафорическое упоминание П. А. Вяземским «оконечностей живописных» [4, с. 182].

Фольклор, активно осваиваемый эстетическим сознанием эпохи, способствовал пробуждению исторической и национальной памяти на новом этапе общественной жизни, усиливал историзм художественного мышления, обусловил эстетическое освоение истории.

Творческое внимание романтиков влекли те эпохи, «с которых начинается новое существование народов в их политическом и нравственном бытии» и которые давали возможность ощутить связь «истории целого мира с частной жизнью человека» [16, с. 135]. Таким переломным, судьбоносным в «политическом и нравственном бытии» украинцев стало время, когда казачество превратилось в «авангард национально-освободительного движения в Украине», «а украинцы стали называться “казацким народом”» [17, с. 5]. Для большинства русских литераторов история Украины – это история казачества.

Исследователи, обращавшиеся к изучению украинской исторической темы в русском романтизме – Г. Грабович, Н. М. Жаркевич, И. А. Лучник, В. И. Мачапура, подчёркивали непосредственную зависимость большинства сюжетов и образов, приоритетов в отборе объектов изображения от украинского фольклорного материала. Отмечается также, что народное песенное наследие стало активным социокультурным фактором в процессе становления художественной словесности, тем более, что целая плеяда писателей-романтиков своими корнями, обстоятельствами жизни была тесно связана с Украиной. Поэтому изучение источниковой базы романтической тематики и образности в контексте украинской исторической темы русской литературы обозначенного периода следует начать с рассмотрения

онтологического статуса украинских фольклорных памятников в культурной жизни России, их влияния на формирование национальной картины мира.

Первая половина XIX века отмечена бурной собирательской деятельностью, что привело к накоплению фактического материала и активизировало, стимулировало теоретическое изучение фольклора. Временем, «когда познают истинную цену народности» [10, с. 1], назвал свою эпоху М. А. Максимович. Н. В. Гоголь, «погрузившись в малороссийскую и всемирную историю», пишет И. И. Срезневскому в письме от 6 марта 1834 года: «Я к нашим летописям охладел, напрасно силюсь в них отыскать то, что хотел бы отыскать. <...> Каждый звук песни мне говорит живее о протекшем, нежели наши вялые и короткие летописи <...> *Это песни заставили меня с жадностью читать все летописи и лоскутки какого бы то ни было вздору* (курсив наш – Т. М.)» [6, с. 75]. В специальной статье «О малороссийских песнях» писатель назвал их «народной историей, живой яркой, исполненной красок, истины <...> Историк не должен искать в них показания дня и числа битвы, или точного объяснения места, верной религии: в этом отношении немногие песни помогут ему. Но когда он захочет узнать верный быт, стихи характера, все изгибы и оттенки чувств, волнений, страданий, веселий изображаемого народа, когда захочет выпытать дух минувшего века, общий характер всего целого и порознь каждого частного, тогда он будет удовлетворён вполне; история народа разоблачится перед ним в ясном величии» [5, с. 98]. Рассуждениям Н. В. Гоголя о исторически верном понимании народным сознанием событий прошлого вторит Н. А. Маркевич: «Народ везде народ, его заключения верны и отчётливы; он лучше всех описаний характеристических представляет людей, нрав и ум их <...>, быстрым очерком двумя словами, одною пословицею точно их определяет. Народ помнит деяния своих героев, которым приписывает подвиги легендарных деятелей и чудодейственные свойства» [12, с. 565–566].

Вслед за Н. В. Гоголем и Н. А. Маркевичем именно проявления «духа минувшего века», народной души, национального характера искал в фольклоре

и Н. И. Костомаров. Будучи последователем философских идей Ф. Шеллинга, Ф. Гегеля, И. Гердера, он трактовал историю как процесс развития человеческого духа. Поскольку фольклор является следствием духовного творчества народа, то, с точки зрения исследователя, в нем полнее всего выявилась его душа. Н. И. Костомаров указывал на то, что народная поэзия даёт чудесный материал для широких обобщений и размышлений, синтеза, вне которых немислимо ни одно художественное произведение, ни одно заслуживающее внимания историческое исследование. Прагматизм в исторической науке, ограничиваясь изложением событий в их внешних связях последовательности, не может дать настоящего исторического образа и представлений об историческом развитии. Рассказ без раздумий не может привести к истине. Для того, чтоб история была верной, она должна опираться не только на внешние данные, регистрировать события, но базироваться на материале, который стимулирует раздумья. Такой материал дают народные песни.

Повышению внимания к фольклорным источникам как важным историческим документам, способствовали, на наш взгляд, успехи скептической школы в историографии. Её основоположник М. Т. Каченовский стал автором идеи критического отношения к источникам и господствовавшим в то время научным гипотезам. Критика источников в представлении учёного сочеталась с задачей восстановления подлинной исторической действительности и стремлением воссоздать подлинный облик определённой эпохи. В этой связи чрезвычайно важным представлялся учёному и его последователям вопрос о народной поэзии как дополнительном ценном историческом документе.

Таким образом, осознание фольклорных источников не только в плане их эстетической значимости, но в качестве своеобразных, заслуживающих доверия исторических документов, привело к тому, что широкая собирательская деятельность литераторов-романтиков становится осознанной и устойчивой тенденцией.

Как событие огромной культурной важности был воспринят литературной общественностью в обеих русских столицах выход сборника «Опыт собрания старинных малороссийских песней» князя Н. А. Цертелева (1819). А. Н. Пыпин назвал это издание «первым приступом к предмету, который до тех пор был чужд литературе русской» [15, с. 124]. «Древнейшие украинские думы в первый раз записаны им для России, – отмечалось в некрологе «Вестника Европы» на смерть Н. А. Цертелева – <...> указана или проложена дорога счастливым последователям» [2, с. 867].

Составитель сборника, потомок древнего грузинского рода Цертели детские годы провёл в городе Хорол, на Полтавщине, здесь полюбил народные песни украинцев, а во время учёбы в Московском университете воспринял отношение к фольклору как к историко-эстетическому познавательному источнику. В годы студенчества были записаны и первые тексты украинских исторических песен: «Случай, помогавший многим открытиям, – писал Н. А. Цертелев в предисловии к сборнику, – был виновником сего опыта. Нечаянно попался мне слепой шестидесяти лет бандурист, который подобно древним рапсодам, переходя из одного места в другое, воспевает подвиги отечественных героев. Я списал всё, что он знал, и с удовольствием увидел шесть старинных песней, к которым впоследствии присоединил ещё четыре таковых же, принял решение издать оные» [18, с. 1].

Впервые изданные десять героических дум стали поэтической неожиданностью для современников, обратили внимание русской читающей публики на искусство кобзарей как носителей оригинального жанра народной поэзии и на популярных героев истории, деяния которых хранит коллективная память. По сути, была заложена традиция одножанровых фольклорных сборников, положено начало процессу популяризации украинского песенного творчества. Сам автор прямо призвал литераторов, стремящихся наполнить свои произведения национальным колоритом, не считать народные предания и песни пустяками и как можно внимательнее вслушиваться в них, ведь в

«стихотворениях сих <...> виден поэтический гений народа. Дух его, обычаи описываемого времени» [18, с. 2–3].

Собрание и изучение песенных богатств малороссов продолжили в 20-е годы XIX века Зориан Доленга-Ходаковский (Адам Чарноцкий), известный в то время польский археолог, фольклорист и этнограф, исследователь древней культуры славян. Более двух тысяч украинских песен, записанных им в 1814–1819 гг., не были изданы вплоть до 1974 года. Тем не менее, рукописное наследие учёного было широко известно – записи песен, осуществлённые Доленгой-Ходаковским, найдены в архивах Н. В. Гоголя (более 250 текстов), П. В. Киреевского. Более двадцати текстов, зафиксированных фольклористом, включены М. А. Максимовичем в сборники «Малороссийские песни» 1827 года и «Украинские песни» 1834 и 1849 гг. Несколько записей из рукописных сборников находим в известном издании «Исторические песни малорусского народа» под редакцией В. Антоновича и М. Драгоманова (1874–1875). Издания М. А. Максимовича вполне правомерно считаются первой попыткой систематического и осознанного собирания украинских песенных текстов в их жанровом разнообразии, в большом количестве примеров, записанных на обширной территории – Галичине, Волыни, Подолье, Полесье, Надднепрянщине.

Интерес русских читателей к украинской народной словесности ещё раз продемонстрировал успех изданий, предпринятых М. А. Максимовичем в 1827, 1834 и 1849 гг. Каждое новое издание не повторяло предыдущее, каждое явилось реализацией нового творческого замысла. Продолжая традицию, заложенную Н. А. Цертелевым, М. А. Максимович оставил нам и свидетельства о росте популярности подобных изданий. «И вошли они («Малороссийские песни» – Т. М.) тогда в великую славу, и у нас на Руси, и в славянщине западной» [цит. по: 19, с. 303–304].

Как и его предшественник, князь Н. А. Цертелев, М. А. Максимович открыл сборник 1827 года вступительной статьёй-предисловием. Этот сугубо научный, фундаментальный теоретический труд, в котором в полной мере

проявил себя не только Максимович-фольклорист, но и Максимович-историк и этнограф. Учёный провозгласил народность и самобытность основными чертами национальной литературы, он показал многообразие украинских песен не только в тематическом, но и в жанровом отношении, увидел в их художественном мире черты истории и особенности характера украинцев. М. А. Максимович же в своём «Предисловии к «Малороссийским песням» дал сравнительный анализ русских и украинских песен, причём «всеми силами стремился стать выше национальных пристрастий, сравнивать их с позиций безупречной объективности, воздавая по заслугам и тем, и другим» [19, с. 84]. Высоко оценив всё сделанное М. А. Максимовичем, С. П. Шевырев в рецензии, напечатанной в «Московском вестнике», высказал упрёк «нашим филологам», которые не спешат собирать русские песни, «столь родные нашему сердцу» [цит. по 19, с. 311]. Как видим, труд М. А. Максимовича был расценен как пример, достойный подражания.

Собрание народных песен Н. В. Гоголя к 1832-33 годам достигло внушительных размеров. Впервые оно было опубликовано Г. П. Георгиевским лишь в 1908 году, а в 30-е годы XIX века писатель активно снабжал фольклорными текстами из своей коллекции П. В. Киреевского, П. Лукашевича (его «Малороссийские и червонорусские народные думы и песни» изданы в Петербурге в 1836 году), А. Метлинского («Народные южнорусские песни» вышли в Киеве в 1854 году), Н. Д. Белозёрского, М. А. Максимовича.

В 30-е годы XIX века фольклорная коллекция О. Бодянского состояла из восьми тысяч песен. Собрание народных песен приняло в те годы характер своеобразного творческого соревнования. Стоит отметить и тот факт, что украинские песни собирали литераторы, связанные с Украиной весьма косвенно. Так, к примеру, Д. П. Ознобишин – «одна из звёзд плеяды Пушкина» [8, с. 864], свои «малороссийские песни» записал у себя на родине, в Симбирской губернии, в отдельных уездах которой значительную часть населения составляли украинцы. Его находки публиковались в альманахах

«Уrania» (1826) и «Северная лира на 1827 год», две из найденных в Поволжье песни вошли в сборник М. А. Максимовича (1827).

Ярким эпизодом в истории публикаций украинских фольклорных текстов в России стало издание в Москве в 1833 году «Малороссийских виршей» О. М. Бодянского, которые вышли под псевдонимом Бода Варвынец. В данном случае перед нами уже не просто сборник собранных и в определённой последовательности расположенных фольклорных текстов, а их стихотворные переложения. Часть текстов публиковалась также в газете «Молва», издававшейся при «Телескопе» Н. И. Надеждина (№ 99 за 1833г.). Творчество О. М. Бодянского свидетельствует об интересном явлении, начавшемся как следствие русской рецепции украинской народной словесности. Это процесс литературного освоения и авторской интерпретации фольклорных текстов, их сюжетов, идейного содержания и образов.

Активное собирание, интерпретации и аранжирование народной поэзии стало одним из основных направлений творчества Н. А. Маркевича. В 1831 году вышли его «Украинские мелодии», написанные « в совершенно новом для русской литературы роде стихотворений». Отмеченное рецензентом журнала «Московский телеграф» новаторство поэта заключалось в интерпретации народных преданий, легенд, сюжетов народных песен, будучи музыкально одарённым человеком, он «приноровил размеры каждого из стихотворений к какому-нибудь известному малороссийскому напеву». В 1840 году Н. А. Маркевич подготовил для публикации новый том легенд и песен, «на голос и фортепиано положенных», с примечаниями, комментариями и хоровой инструментальной – «Украинские народные напевы». В 1857 году вышел безымянный сборник «Южнорусские песни с голосами», автором которого тоже считают Н. А. Маркевича.

Наиболее ярко сочетание собирательской работы и одновременной интерпретации фольклорных текстов прослеживаем в «Запорожской старине» И. И. Срезневского. Шесть выпусков этого фольклорно-исторического сборника вышли в Харькове, в 1833-1838 гг. Сюда включены народные

предания, исторические песни, думы на языке оригинала и в русских переводах, авторские комментарии исторического и источниковедческого содержания, статьи и очерки И. И. Срезневского – «Взгляд на памятники украинской народной словесности» и «Украинская летопись 1640–1657 гг.». Опираясь на уже существующую культурную традицию собирания фольклорных текстов, в том числе и исторических жанров, И. И. Срезневский обосновал возможность их научного изучения как источников познания истории Украины. В письме М. А. Максимовичу от 12 мая 1834 года он признавался, что своим изданием намеревался «показать важность вообще народных материалов для истории Украины и особенно памятников устной народной словесности, с тем, чтобы угодить литератору, этнографу, историку» [цит. по: 7, с. 28].

Составитель сборника редактировал фольклорные тексты, сопоставлял варианты, отбирая лучшие, некоторые тексты представляют собой образцы авторской стилизации. Подобный подход к фольклорному материалу вызвал немало нареканий и упреков в сознательном фальсифицировании составителем аутентичных народных текстов, распространении псевдонародных произведений. Такого рода обвинения представляются нам неоправданно категоричными. Вспомним, что ещё первый издатель украинских песен Н. А. Цертелев отмечал: «<...> Сии памятники народного гения, сохраняясь столь долгое время в изустных преданиях, много испорчень» [18, с. 5]. Объясняя эстетический феномен «Запорожской старины», мы полностью солидарны с точкой зрения В. Н. Новикова, который уже с позиций современной науки отмечал, что тексты народных произведений, записанные от отдельных исполнителей, считались явно недостаточными для публикации ввиду того, что они, преломляясь в индивидуальном сознании, трансформировались, утратили свой первоначальный облик, обросли случайными деталями, исказились. Поэтому часто условием публикации фольклорных записей выдвигалось их редактирование, под которым понималась не механическая правка текста, а по-настоящему творческая работа, осуществляемая человеком, исключительно

подготовленным в области народной поэзии. «<...> Даже П. В. Киреевский, составитель обширнейшего собрания русских песен, находился под влиянием этой идеи и усердно занимался реконструкцией народной песни в поисках её идеального образца» [14, с. 51]. Таким образом, и творческие эксперименты И. И. Срезневского с фольклорным материалом, и высказывания его критиков, последовавшие уже в 70-е годы XIX века, следует рассматривать в «духе» того времени, которое их породило.

Перечисленные нами издания, получившие признание и широкую известность, способствовали формированию определённого мировоззренческого фона, укоренили в русском обществе представления о самобытной украинской нации, национальном характере, обычаях и традициях, о её истории и героях, окрасили читательское восприятие дымкой романтической экзотики. Анализ их текстового состава свидетельствует о тщательном, «тенденциозном» подборе составителями памятников народной словесности, которые в совокупности своей отразили важную художественную традицию. Главный пафос собранных и опубликованных фольклорных произведений - воспеть героиню народной борьбы против польской шляхты и национальных вождей, образы которых наделены определённым набором свойств, в соответствии с некоей абсолютной ценностной шкалой, принятой в народной среде.

Романтическая увлечённость собирателей и издателей фольклора украинским песенным наследием принимает в первой половине XIX века своеобразные идейные формы, которые М. К. Азадовский в своё время назвал «архаизирующе идиллическим пониманием» [1, с. 160]. Героический эпос рассматривается как явление вымирающее, «как развалины, свидетельствующие о красоте разрушенного здания, умирающий отголосок гармонии, слышанной некогда на берегах Днепровских» [18, с. 5]. Не случайно в предисловии к своему сборнику Н. А. Цертелев вспомнил «Илиаду», поставив художественные достоинства украинских дум рядом с мастерством Гомера, приписывая их создание неизвестному поэту, подобному древнегреческим

рапсодам. Записанные народные эпические тексты представляются фольклористу остатками в прошлом единого песенного цикла, он сетует об утрате былой целостности, о невозможности на Украине найти другую «Илиаду».

Важно отметить, что подобный подход к думовому эпосу далеко не единичен в русской литературе романтизма. В 1825 году Н. И. Гнедич, выполнивший перевод с французского книги К. Флоризля «Простонародные песни нынешних греков», провёл аналогичные цертелевским параллели. «Посетившие полуденную Россию знают, что не на одной ярмарке, не на одном приходском празднике можно встретить у нас слепых нищих с кобзою за спиною, что одни из них играют на струнах сего орудия смьгчком, другие перстами и поют песни <...> в роде большею частью повествовательном, исторические, довольно длинные <...> у нас ещё неизвестные, ещё не обратившие на себя внимание наших литераторов, но не менее того доказывающие, что и наша поэзия простонародная давно имеет своих рапсодов, может быть немногим россиянам известных, <...> но, тем не менее, подобных рапсодам нынешней Греции» [13, с. 229–230]. Перед нами явно гердернианская аллюзия – именно автор «Идей к философии истории человечества» ещё в 1791 году, восхитившись украинскими думами, впервые предсказал Украине участь «новой Греции».

Предельно категоричен в своих высказываниях о героическом эпосе Платон Лукашевич, издавший в Петербурге в 1836 году сборник «Малороссийские и червонорусские народные думы и песни». В «Предисловии от издателя» он писал о полном упадке и грядущей гибели украинского песенного фольклора. Народные песни уже не существуют, они заменены рекрутскими, солдатскими песнями и современная «народная муза» ничего больше не произвела. «<...> Песни, которые я издаю, есть уже мёртвые для малороссиян. Это только малейшие остатки той чудной песенности их делов, которая была удивлением и самих хулителей всего украинского <...> Я почитаю себя исполнившим долг свой перед своею родиной, исторгнув из

забвенья эту южнорусскую народную поэзию у старцев, занесших одну ногу в гроб. Я посвящаю её моим предкам гетманцам, она им принадлежит, быть может, хотя один листочек из сего собрания упадёт на завалившуюся их могилу или долетит на высокий курган казацкий» [9, с. 7].

Осип Бодянский в магистерской диссертации «О народной поэзии славянских племён» (1837) вновь высказал мысль о том, что борьба украинского народа против польской шляхты могла бы стать содержанием «украинской Илиады». «Народные песни малороссов – это их дневник, их история, <...>, их теогония и космогония, память, тризна по предкам и дорогим сердцу людям, «надгробный памятник священной старины, живая говорящая летопись времён давно минувших» [3, с. 29]. Это метафорическое уподобление героического эпоса украинцев «надгробным памятникам» уже имело место в статьях об украинских песнях М. А. Максимовича Н. В. Гоголя.

Явно наблюдаемое единство собирателей фольклора в подходах к народному наследию о героическом прошлом Украины как к безвозвратно ушедшему «золотому веку» не исключает единства и в вопросе о необходимости сохранения этого бесценного материала. Вместе с историографами, фольклористы формируют в романтической картине мира концепцию-парадигму «смерть Украины», но сохранённый их усилиями фольклор рассматривают как активизирующий фермент отечественной литературы. Благодаря знакомству с фольклорным бытием образов целого пантеона украинских героев, начинается их «жизнь» в русской литературе романтизма. Фольклор как носитель «надындивидуальной» культурной информации экстраполировал в литературу романтизма не только «элементы затекстовой картины мира», некие общие представления о героическом прошлом Украины, но целые образные конструкции, клише и стереотипы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азадовский М. К. История русской фольклористики / Азадовский М. К. – М : Госуд. учебно-педагогическое изд-во, 1958. – 478с.

2. Бессонов П. Князь Н. А. Цертелев, первый собиратель памятников устного народного творчества: некролог / П. Бессонов // Вестник Европы. – 1870. – № 6. – С. 867–871.
3. Бодянский О. О народной поэзии славянских племён / Бодянский О. – М.: тип. Степанова, 1837. – 154 с.
4. Вяземский П. А. Письмо в Париж / П. Вяземский // Московский телеграф. – 1825. – ч. VI, № XXII. – С. 182-183.
5. Гоголь Н. В. О малороссийских песнях / Н. В. Гоголь. Собр. соч.: в 8 т. – М.: Правда, 1984. – Т. 7. 1984. – С. 97-105.
6. Гоголь Н. В. Письмо И. И. Срезневскому 6 марта 1834г. / Н. В. Гоголь Собр. соч.: в 8 т. – М.: Правда, 1984. – Т. 8. – 1984. – С. 73-75.
7. Данилов В. Другий збірник пісень М. О. Максимовича 1834 року / Данилов В. // Україна. – 1929. – Кн. 37. – С. 25-31.
8. Державин Н. Забытые поэты / Н. Державин // Исторический вестник. – 1910. – № 9. – С. 864.
9. Лукашевич П. Я. Малороссийские и червонорусские народные думы и песни / Лукашевич П. Я. – СПб., 1836. – 170 с.
10. Максимович М. Малороссийские песни, изданные Михаилом Максимовичем / Максимович М. А. – М., 1827. – С. I-XXXVI.
11. Манн Ю. В. Диалектика художественного образа / Ю. В. Манн – М.: Советский писатель, 1987. – 320 с.
12. Маркевич М. А. История Малороссии / М. Маркевич; [за ред. Шемшученка Ю. С.] – К.: Ін Юре, 2003. – 662 с.
13. Московский альманах на 1828 год, истории, словесности и нравственности: [изд. Сергеем Глинкою]. – М., 1828. – 367 с.
14. Песни, собранные писателями: новые материалы из архива П. В. Киреевского / Литературное наследство. – М.: Наука, 1968. – Т. 79. – 679 с.

15. Пыпин А. Н. История русской этнографии : в IV т. / А. Н. Пыпин. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1891. – Т. III: Этнография малорусская. – 425с.
16. Троицкий В. Ю. Художественные открытия русской романтической прозы 20-30-х годов XIX века / В. Ю. Троицкий. – М. : Наука, 1985. – 279 с.
17. Щербак В. О. Українське козацтво: формування соціального стану. Друга половина XV – середина XVII ст. / В. О. Щербак. – К. : Видавничий дім «KM Academia», 2000. – 296 с.
18. Цертелев Н. А. О старинных малороссийских песнях / Н. А. Цертелев // Опыт собрания старинных малороссийских песней. – СПб., 1819. – С. 1-17.
19. Фризман Л. Г. М. А. Максимович-літератор / Л. Фризман, С. Ляхно. – Харьков : Изд-во ХНАДУ, 2003. – 500с.

АНОТАЦІЯ

Марченко Т. М. Український героїчний епос в російській естетичній свідомості романтизму: до питання про онтологічний статус

У статті проаналізовано художню рецепцію української народнописанної спадщини в російському літературному процесі романтизму. Вивчення цього соціокультурного феномену важливе, адже саме фольклор, насамперед героїчний епос, став для російських літераторів джерелом сюжетів і образів в численних творах на теми української історії. В епоху романтизму було започатковано усвідомлення фольклорних джерел не тільки в плані їх естетичної цінності, але й як своєрідних історичних джерел, що заслуговують на довіру. Історіографи та літератори того часу – М. О. Цертелев, М. О. Максимович, М. А. Маркевич, М. І. Костомаров залучали пам'ятники народної словесності до рішення завдання відтворення історичної дійсності й відтворення справжнього образу певної епохи.

Ключові слова: романтизм, фольклор, героїчний епос, рецепція, історичне джерело, національна картина світу.

АННОТАЦИЯ

Марченко Т. М. Украинский героический эпос в русском эстетическом сознании романтизма: к вопросу об онтологическом статусе

В статье проанализирована художественная рецепция украинского народного песенного наследия в русском литературном процессе романтизма. Изучение этого социокультурного феномена значимо, поскольку именно фольклор, прежде всего героический эпос, стал для русских литераторов источником сюжетов и образов в многочисленных произведениях на темы украинской истории. В эпоху романтизма утвердилось осознание фольклорных источников не только в плане их эстетической значимости, но в качестве своеобразных, заслуживающих доверия исторических документов. Историкографы и литераторы того времени – Н. А. Цертелев, М. А. Максимович, Н. А. Маркевич, Н. И. Костомаров привлекали памятники народной словесности к решению задачи восстановления подлинной исторической действительности и воссоздания подлинного облика определённой эпохи.

Ключевые слова: романтизм, фольклор, героический эпос, рецепция, исторический источник, национальная картина мира.

SUMMARY

Marchenko T.M. The Ukrainian heroic epos in the Russian aesthetic vision of romanticism: the question of the ontological status

The artistic reception of the Ukrainian folk inheritance in the Russian literary romanticism process is analysed in the scientific paper. The studying of this social-cultural phenomenon is very important as folklore itself, and first of all heroic epos, became the source of various plots and images in numerous works of Russian writers, connected with the subject of the Ukrainian history. In the era of romanticism the realization of folklore sources as not only aesthetically valuable ones, but also as original historical ones worth deep trust, began. The historiographers and writers of that time – M. Tsertelev, M. Maksimovich, M. Markevich, M. Kostomarov used

works of folk literature to achieve the reproduction of the historical reality and image of a certain era.

Key words: romanticism, folklore, heroic epos, reception, historical source, national worldview.

*М. С. Мележик
(Старобільськ)*

УДК 821.161.2.09+929 Щербак

ЖАНРОВІ РІЗНОВИЦІ ТВОРЧОГО ДОРОБКУ ЮРІЯ ЩЕРБАКА

Творчість Юрія Щербака завжди виділялася на тлі ровесників-«шістдесятників». Народжений у Києві, він не мусив, як його сільські однолітки, болісно «вростати» в чужий і незрозумілий мегаполіс. Він почав писати не типовою для того часу мовою, адже його твори не оспівували „рішної хати” й «босоногого дитинства». У нього склалася успішна кар’єра науковця-епідеміолога, шанованого доктора медичних наук – саме ці теми і стануть провідними у творчості митця.

Доля цієї непересічної особистості сама по собі гідна великої книги, так багато подій сталося в його житті. Ми цікавимося минулим і сьогоденням, прагнемо якнайкраще пізнати людину, а що може розповісти краще про митця, як не його твір. Юрій Щербак – це людина, яка кілька разів круто змінювала своє життя, починала займатися новою для себе справою і кожного разу хотіла своєю діяльністю послужити батьківщині – Україні, яку завжди так любила і любить.

Мета розвідки – визначити жанрові модифікації у творчому доробку Юрія Щербака. Реалізація поставленої мети передбачає розв’язання наступних завдань:

- осмислити теоретичні аспекти функціонування жанрових різновидів;
- проаналізувати тематично-змістові домінанти прози Ю. Щербака;